

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЧУРИЛОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

Родился я в 1920 году в августе месяце в небольшой деревушке Буровцовке Токайского района Воронежской области.

Родители жили бедно и занимались хлебопашеством. В 1929 году вступили в члены колхоза «Агропуть» и проработали в нем до 1936 года. Мама не умела ни читать, ни писать, зато трудиться умела и делала все доброту как на колхозной ниве, так и в своем крошечном домашнем хозяйстве.

Папа не знаю, что окончил и какое получил образование, зато на селе считался грамотным, по вечерам он много читал, увлекался политической литературой, а потому вокруг него всегда как-то группировались люди, которым он разъяснял политику партии молодого еще советского правительства на селе.

До 1936 года он работал в колхозе и пахарем, и плотником, избирался председателем

колхоза, словом, трудился там, куда его посылала партия, членом которой он являлся.

На начало 30-х годов обрушились огромные трудности. Зажиточная часть односельчан сопротивлялась идее коллективного ведения сельскохозяйственного производства, обострялась классовая борьба. Создание коллективных хозяйств было еще очень экономически слабым и проявить себя с лучшей стороны перед единоличным хозяйством не могло.

Обстановка складывалась очень сложной еще и потому, что большие районы области настигла нещадная засуха. Люди, спасаясь от голода, бросали обжитые места, уходили и уезжали кто куда мог, лишь бы не погибнуть.

Уехала и наша семья: отец, мать, я и младший братишка Вася.

Новым местом нашего жительства оказалась Украина - колхоз имени Сталина Тельмановского района Сталинской области.

Осенью 1936 года я пошел в 8 класс украинской школы, двумя классами ниже шел и Вася.

Украинского языка я никогда не слышал, и вдруг - школа на украинском. Трудно было и все же кое-как мне удалось закончить учебный год и перейти в 9 класс. Дальше учиться, по понятным причинам, я не мог - потому и решил трудиться.

В школе я отличался рисованием, учился неважно, зато обладал незаурядными организаторскими способностями. Это было замечено и в школе, и в райкоме комсомола. Не остался незамеченным я и у сотрудников районо, в частности инспектора района Василия Ивановича Кирьянова. Он-то мне и посоветовал принять также решение о дальнейшей учебе. Вскоре он посоветовал мне поехать учиться в город Мариуполь на трехмесячные курсы в студию живописи и рисования.

Послушав его, летом 1937 года я уехал учиться рисовать. Вернувшись оттуда, я уже неплохо понимал азы рисовальщика и тем же товарищем Кирьяновым был устроен на работу в районный клуб художником-оформителем, одновременно, по совместительству - инструктором передвижной районной библиотеки. Работа живая, интересная да и собственный заработок – помощь и подмога родителям. Шло время, я трудился как мог, и не был в обиде, старался.

До ухода в армию мне еще два раза пришлось побывать на учебе, поработать в райкоме комсомола в качестве заведующего делопроизводством.

В 1938 году заимел семью, а 12 октября 1940 года был призван в ряды Красной Армии. Служба проходила на Дальнем Востоке в составе 32 стрелковой дивизии – 154 гаубичном артиллерийском полку: полковая школа, взвод танковычислительной разведки.

Вся служба и учеба проходили нормально, но внезапное нападение на нашу Родину немецко-фашистских полчищ оборвало все мои надежды. Полковая школа бала расформирована.

В сентябре месяце часть дальневосточных воинских частей была отправлена на фронт, в том числе и наша 32-я дальневосточная дивизия.

Первое боевое крещение получил в октябре 1941 года под Москвой, в районе города Можайска.

Несмотря на то что полковую школу, как и другие, закончить не успел, звание ефрейтора все же было присвоено и назначение на должность командира отделения было. В сложившейся обстановке в то время под Москвой говорить не стоит, да и большего не расскажешь и не опишешь так, как рассказано в мемуарной литературе. Скажу одно, страшно было, но без трусости и паники. Все были убеждены в том, что врагу нас не одолеть, хотя опасность и существовала.

Здесь, в Подмосковье, в июне 1942 года, в обстановке жесточайшей, я бы верно сказал, смертельной схватки с врагом я был принят в ряды Коммунистической партии.

Получал партийный билет я как и другие мои сверстники по оружию, дал клятву – готов драться с врагом за Родину – за Сталина до последней капли крови, а если надо, и отдать свою жизнь. И мы дрались.

Заслуги 32-ой стрелковой дивизии, и частности 154 гаубичного артиллерийского полка в сражении за Москву, были достойно оценены. Уже зимой 1942 года дивизии и полку были присвоены звания Гвардейских с вручением Гвардейских знамен, а личному составу вручены нагрудные знаки «Гвардия».

Служил я родине честно. Обязанности свои хорошо знал и выполнял аккуратно. В любой сложившейся обстановке работа моя была очень нужной для ведения прицельного огня грозных орудий по противнику, за что я неоднократно поощрялся командованием полка.

Считаю для себя великой наградой командования за ратный труд направление меня на учебу. В августе месяце 1942 года я - курсант второго Томского артиллерийского училища. В училище одновременно пришлось учиться и работать. Сразу же, по приезде в училище, мне было присвоено очередное звание старшины, представлена должность старшины батареи, а позже я был избран секретарем партийной организации этой же батареи.

По окончании артучилища приказом командования Сибирского военного округа присвоено воинское звание – лейтенант, и во главе выпускников своей же батареи я направлен в действующую армию.

В Москве главное управление кадров Красной Армии расформировало нашу команду по частям. Я же попал на Курско-Орловскую дугу в состав 164 стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в районе города Малоархангельск, где и был я назначен командиром взвода штабной батареи при командующем артиллерией дивизии. В июле месяце, когда уже шла Курско-Орловская битва, я был назначен начальником разведки третьего дивизиона 325 артполка вышеназванной дивизии.

И так снова началась тяжелая фронтовая окопная жизнь. Добро, что тогда о трудностях не говорили. Все было устремлено в одно: как одолеть врага. И одолели. Результаты разгрома немцев на Курско-Орловской дуге всем хорошо известны и памятли.

После разгрома врага на рубеже Курск – Орел – Белгород наша пятая армия, освобождая города и села, стремительно продвигалась на запад. Форсировав речку Двину,

наши пехотные части при поддержке артполка, и в частности 3-го артдивизиона, овладели городом Черниговом, за что дивизии было присвоено звание Черниговской.

В этих боях я, находясь на наблюдательном пункте, был ранен. Поскольку ранение оказалось не так уж серьезным, остался в строю и продолжал с боями свой путь на запад в условиях боёв.

Многое встречалось на пути: и радость побед, и горечь поражений. Война есть война, и обо всем, тем более в автобиографии, не расскажешь. И все же об одном необычном в артиллерийской практике случае, рассказать следует.

Было это где-то в начале осени 1943 года. После вторичного взятия нашими войсками города Житомира противник, отступая, стремился закрепиться вдоль шоссе Новоград-Волынский – Шепетовка. Моему подразделению артиллерийских разведчиков была поставлена задача двигаться вместе с передовыми подразделениями пехоты, чтобы обеспечить их продвижение, когда это необходимо, огнем артиллерии нашего третьего дивизиона. Конечная цель поставленной нам задачи: выйти на дорогу Новоград-Волынский – Шепетовка, укрыться и вести наблюдение за действиями сил противника в этом районе. О результатах наблюдения систематически сообщать командиру дивизиона для принятия соответствующих решений, что мы и делали.

Продвигаясь вперед, о всем замеченном через посыльного я докладывал штабу дивизиона и получал следующее указание о дальнейших действиях.

Дней через несколько мы достигли восточной окраины небольшой деревушки, западная окраина которой примыкала к шоссе Новоград-Волынский – Шепетовка. Это как раз то, что нам и требовалось сделать, выполняя поставленную задачу.

Теперь нам предстояло «оседлать» (так военный термин) дорогу, т.е. выйти на нее, повернуть влево и двигаться по ней в сторону г. Шепетовки, т.е. в район, в который должен был выйти наш третий дивизион.

Был поздний вечер. Двигаться дальше было опасно, тем более, что весь день в деревне были немцы, но, как рассказали жители, те волновались и поспешно уходили на западную окраину к дороге, оттуда направлялись в сторону Новоград-Волынска. Пришлось провести разведку. Она подтвердила, что на западной окраине немцы еще есть, но под покровом темноты (ночи) выходят на дорогу и движутся в сторону города Новоград-Волынска.

Решено было заночевать в одном из домиков восточной окраины, а уже утром рано, убедившись, что противника не стало, продолжить выполнять поставленную командованием дивизиона задачу – двигаться в направлении города Шепетовки.

Утро было тихое. Над равнинным полем расстился небольшой туман. Справа, со стороны Новоград-Волынска, доносились раскаты орудийной канонады. Шел бой за город.

Мы вышли на дорогу. Внимательно осмотрелись вокруг и, рассредоточившись в цепочку, двинулись по дороге. Я шел впереди, как это и положено, цепочку замыкал командир отделения сержант Лазутин. Туман рассеивался медленно. Это было хорошо и плохо. Хорошо, потому что наше движение по дороге становилось менее заметным, а плохо – потому, что был большой риск внезапной встречи с врагом. И к тому же в сложной ситуации, когда наших ни пехотных, ни артиллерийских войск в этом районе еще не было.

Так оно и случилось.

Пройдя километров несколько по дороге, мы минули небольшой взорванный и рухнувший в провалку мостик: по обе стороны глубокие кюветы с открытыми окопами, видимо, взорванный мостик охранялся до его взрыва. Все было спокойно и ладно. И вдруг голос командира отделения: «Товарищ лейтенант! Гляньте назад!! Немцы!!!»

«Где? Откуда?» – мелькнула мысль. И только тогда, когда я оглянулся назад в противоположную сторону дороги, тогда только увидел и понял то, что неминуема встреча с врагом, а значит, и неравный бой. Другого выбора не было.

Со стороны Новоград-Волынска на огромной предельной скорости мчались три автомашины. В тумане трудно было рассмотреть детали, но сомнений других, что это вражеские машины, не было. Единственное решение – дать внезапный бой. И тут прозвучала моя команда – рассредоточиться по кювету и к бою!

Все это произошло так внезапно и стремительно, что времени для раздумий не оставалось.

Машины врага, не замечая нас, неслись прямо на нас. Вот они в десятках метрах от взорванного мостика. Уже хорошо видны вражеские морды, их надвинутые на глаза серо-зеленые с грязным оттенком угловатые каски, мышинного цвета шинели.

И когда до цели оставалось не более 15-20 метров, прозвучала моя команда: «По фашистам-гадам гранатами и из автоматов прицельный огонь!»

Навстречу мчавшимся вражеским машинам полетели гранаты и грянул автоматный огонь.

Внезапный грохот от взрывов гранат и шквальный автоматный огонь не оставили немцам и мгновения для раздумий и принятия каких бы то ни было решений. Огонь был прицельно и предельно точным. Сколько нас, врагу не было известно, зато мы хорошо видели и понимали их положение. Впереди идущая легковая автомашина заметалась по полотну дороги из стороны в сторону. Задымила и начала валиться в провалку взорвавшегося мостика, ей помогла движущаяся вслед грузовая. Обе они навсегда остались у разбитого моста. Замыкавшая машина на борту с немцами, двигавшаяся на некотором удалении от впереди идущих, дала задний ход, с трудом перевалила через кювет, драпанула по туманной степи в заданном направлении.

Видя эту сумятицу, разведчики, не прекращая вести автоматный огонь, с криками «Ура!» бросились вперед. Вот тогда-то мы и заметили, кроме валявшихся на дороге у разбитых машин несколько немецких трупов, группу еще живых фашистов, врассыпную удиравших, но не на запад, а на восток. Видимо, такая внезапная встреча буквально шокировала их и поразила морально, лишив рассудка и способности хотя бы какому-нибудь организованному сопротивлению. Потому и бежали, как крысы с тонущего корабля.

«Судьба их была предрешена», - понимали мы. Чувствовали и они, потому и сопротивление этой обезумевшей группе в 7 человек было бесполезным. Но тем не менее бежавшие еще на что-то надеялись, некоторые даже пытались отстреливаться, но безуспешно. На ходу отдаю команду: «Захват живьем!» - сам же устремляюсь с мыслью настигнуть отдельно бежавшего врага. В руках у него был карабин, за голенищами сапог – гранаты, а сам он выглядел каким-то обмякшим и небоеспособным. Видно, прощался с жизнью. Еще рывок, еще один. Вот он уже, буквально в нескольких шагах. Из рук валится карабин, ноги не слушаются, покидают последние силы. Враг сбрасывает каску, пригибаясь к земле, он что-то пытается еще сделать, но не успевает. Удар возмездия в затылок от моего пистолета заставляет его грохнуться у моих ног и секунду – другую передохнуть. Но отдыхать некогда. Обезумевшие от страха его красные глаза умоляюще вопрошали моей пощады, хотя цели убивать его у меня не было.

Я помог ему подняться на ноги, руки вверх он поднял уже без моей помощи.

Но каково было мое удивление от дальнейшего его поведения. Как только фриц понял, что перед ним советский офицер, он мгновенно, преодолевая боль и усталость, принял стойку «смирно» и пробормотал; «Руссиш офицериш, Гитлер капут. Сталин Гут!» «Гут! – Дада-да, Гитлер капут, Сталин – гут», - ответил я ему и приказал сложить оружие. А оружия при нем оказалось предостаточно. Помимо брошенного на бегу карабина, в голенищах сапог было четыре противопехотных гранаты, на поясе бельгийского производства пистолет с полной боевой оснасткой, а под шинелью в мешочках еще четыре пистолета – браунинга, среди них были никелированные с гравированной росписью (ну, музейные коллекции), а в придачу всему этому скарбу полдюжины наручных часов: тут и французские, и швейцарские, польские и даже Кировские. Ну и тип.

Это не просто коллекционер, а прожжённый мародёр, да еще и со стажем. Глядя на все эти награбленные ценности, как хотелось тут же прикончить гада, но ради дела этого делать все же не стал. Тем более, что морда его уже была изрядно окровавленной.

Пленный оказался неплохой залетной птицей. Это был штабс фельдфебель, начальник отдела штаба 29-й пехотно-охранной дивизии, командир которой по показанию штабса улизнул с шоссе в перебравшейся через кювет машине.

Эта внезапная встреча с глазу на глаз с врагом была хотя и не очень приятной, но зато полезной для нашей победы.

Ну а бегущие фрицы и преследовавшие их разведчики? Между ними взаимопонимание было найдено тоже не так уж сложно.

Как только серая вошь увидела, что их штабс фельдфебель «любезно» объясняется со мной, без всяких эксцессов сложили оружие и были приконвоированы к своему, уже не начальнику, а как и они, пленному.

О подвиге артиллерийских разведчиков слава мгновенно разнеслась по полку дивизии и далее. О нем писали газеты, рассказывали в подразделениях агитаторы и политработники.

А сам подвиг! Подвиг как подвиг. Ведь это повседневная работа на фронте, только с той разницей, у кого-то получилось лучше, у кого-то немного хуже. А в общем, работа на Победу. За ратный труд разведчики, все шесть человек, были награждены орденами Славы, я же получил орден Красной Звезды, а нашел он меня спустя больше года в Тельмановском районе. Будучи по ранению я был списан со строевой службы со снятием с военного учета как инвалид Отечественной войны (ранение получил 1 января 1944 года при взятии г. Шепетовка).

1 января 1945 года я был выписан из госпиталя инвалидом Отечественной войны II группы и возвратился в родной Тельмановский район, откуда я был в 1940 году призван в ряды Советской (тогда Красной) армии. А 3 января приступил к работе в аппарате райкома партии в должности заведующего военным отделом райкома.

Началась, как говорится, жизнь по-новому с единственной разницей, что не было землянок, окопов и стрельбы. Не видно было и не слышно гула и пронзительного воя сирен фашистских самолетов, не рвались их бомбы. А трудностей, как и на фронте, в тылу было предостаточно. Было и холодно и голодно всем без исключения. Надо было возрождать разграбленные колхозы и совхозы, как-то и чем-то пахать землю, сеять хлеб, развивать животноводство. Продукты питания позарез нужны были и фронту и тылу.

Наши союзники по антигитлеровской коалиции хорошо тогда понимали, чем окончится наша близкая победа над фашистской Германией, потому и помощи от них ожидать было бесполезно.

Надежда была только на собственные силы и возможности, но этих-то компонентов у нас и не хватало, от того и невыносимо трудно было. Народ не унывал, не падал духом. Подавляющее большинство тружеников села отдавали все свои силы, помогая фронту окончательно добить проклятого врага в его же собственном логовище.

После многолетней разлуки воссоединились и мы с матерью. Оба работали, получали зарплату, а вот купить на нее не было чего. Хлеб, правда, мы получали по карточкам, но суточная норма его исчислялась буквально в граммах, да и они-то были суррогатные. Все необходимые вещи для жизни, вплоть до тарелки и ложки, приходилось, как говорится, арендовать или брать напрокат у хозяйки, у которой снимали за большую плату не комнату, а уголок в комнате. Вот так и жили. Другого выхода не было. На легкие доходы и жизнь, как это делали другие ловкачи, я не встал и решительно такой путь отверг.

С работой и обязанностями своими я освоился быстро. Имел отдельный кабинет, но сидеть в нем пришлось очень и очень мало.

На третий или четвертый день, я как представитель райкома (а тогда такой представитель назывался уполномоченным райкома), пешком, опираясь на палочку с еще

не зарубцевавшимися полностью ранами, отправился в один из колхозов района, (а он находился не далеко, не близко – всего на всего в 12-14 километрах от районного центра) с задачей организовать колхозников на уборку оказавшегося под большим слоем снега подсолнечника. Зима 1945 года оказалась ранняя, морозная и многоснежная. Вот и не хватило сил у некоторых хозяйств справиться с уборкой вовремя. Под снегом оказались и уборочные машины. К вечеру кое-как я добрал до назначенного места, собрал членов правления ознакомиться с положением дел. Дела удручающие. 15 гектаров подсолнечного поля под снегом. Люди на работу не идут. Разуты и раздеты. Единственно правильное решение – идти к людям поквартирно: смотреть, беседовать по душам, рассказывать о трудностях на фронтах, о близкой победе. Поймут же, наконец, люди, что выращенный их руками хлеб гибнет на поле. Другими вопросами хозяйства я не интересовался, потому что только для решения этого подсолнечного вопроса потребовалась целая ночь. Основательно договорились с восходом солнца, и тогда всем активом мы пошли по домам. Интересуемся всеми вопросами, которые волнуют колхозников, кто в какой помощи нуждается. Часть вопросов разрешаем на месте, в присутствии собеседника, часть откладываем на завтра и послезавтра, но с таким расчетом, чтобы вопрос был разрешен положительно.

Так мы из дома в дом обошли всех колхозников. Разговор всюду был по душам, а в заключение бесед каждую семью пригласили в сельский клуб, где для них проводилась лекция о международном положении и о последних событиях на фронте. После лекции и до –играл баян и танцевал, кто может.

Из разговоров, особенно с молодежью выяснилось, что клуб всегда на замке, и никакой просветительской работы в селе не ведется. Чтобы поднять народ, решено было использовать и этот немаловажный рычаг.

Пока мы работали по дворам, клуб был хорошо натоплен и празднично убран. Даже был написан и вывешен над сценой такой самодельный призыв: «Дорогие колхозники! Завтра - все как один на спасение подсолнечника!!»

Вопреки всем нашим ожиданиям, в установленное время помещение клуба оказалось до отказа заполненным людьми. Играл баян, молодежь танцевала. Настроение у всех приподнятое, я бы сказал, какое-то праздничное. Люди что-то ждали. Многие поглядывали на вывешенный призыв.

Настал момент официальной части. Лекцию обещанную читать я не стал, а сделал обзор о международных событиях за последнее время и положении на фронтах. Такая форма была доходчивее и понятнее присутствующим. Много было задано вопросов, но главный упор я сделал на дела в колхозе, многое сказал о подсолнечнике, оставшемся под снегом, задушевный обоюдный разговор не оставлял сомнений в том, что люди готовы, как один, завтра утром организованно выйти с серпами, ножами в поле и незамедлительно решить вопрос спасения подсолнечника от гибели.

Чтобы подкрепить наш разговор, председатель колхоза предложил тут же проголосовать. Результат голосования был однозначным: в кратчайшие дни подсолнечники не только убрать, но и просушить, провеять и сдать государству.

На утро к конторе колхоза пришло, по сути, все население от малого до старого. Гужевым транспортом все они были доставлены на подсолнечное поле, организованно взялись за дело. В течение 3-х дней подсолнечник был до единой шляпочки срезан, обмолочен, затем просушен в квартирах и сдан государству.

За активное участие в спасении подсолнечника всем колхозникам была объявлена благодарность, а районная газета о проведенной операции рассказала на своих страницах, конечно же, не забыла несколько приятных слов сказать и в адрес уполномоченного райкома партии.

Задание райкома было выполнено, а для меня оно стало первым боевым крещением в тылу – на хлебной ниве.

Так вот, изо дня в день, впроголодь, жару и стужу всеми силами и средствами сообща восстанавливали разрушенные войной хозяйства. Трудно было. И спрашивали за все строго. Иначе и нельзя было. Таковы уж были обстоятельства. Приходилось выполнять и более ответственные поручения политического характера.

За время войны и после нее развелось множество хапуг, тунеядцев, всякого рода уголовников, и со всем этим злом приходилось бороться, порой, даже рискуя жизнью.

В очень сложной обстановке пришлось организовывать выселение тунеядцев в отдаленные края страны.

Хотя и мера, которую предприняло правительство, была крайняя, но необходимая. Укрощение тунеядства быстро, отрезвляюще подействовало на им подобных. Укрепилась трудовая дисциплина, и дела заметно пошли в гору.

Несмотря на все трудности, работать тогда было как-то интересно. Селяне на работу и с работы шли с песнями, хотя в желудке было пусто. А какая братская дружба была! Трудно теперь описать и рассказать.

В такой вот круговерти я не заметил, как пролетело около 6 лет. Появились на свет дети Тома, Жора, Люда, а позднее и Саша. Но о жизни с ними я когда-нибудь еще расскажу.

В сентябре 1950 года с должности редактора районной газеты я был направлен на учебу в межобластную Харьковскую партийную школу. После окончания ее в августе 1952 года по направлению обкома партии я прибыл в Старобешевский район. На партийной конференции был избран в состав пленума райкома и утвержден редактором газеты «Новая жизнь».

29 августа 1955 года на Пленуме райкома партии я был освобожден от обязанностей редактора в связи с избранием меня секретарем райкома партии по зоне Старобешевской МТС.

21 сентября 1957 года после упразднения должности секретаря райкома комсомола по зоне на районной партийной конференции я был избран в состав Пленума, членом бюро райкома партии и секретарем отвечающего за сельскохозяйственное производство.

Работая на этих ответственных должностях, я всегда старался оправдать оказанное мне доверие.

Рабочий день свой я чаще всего начинал не в кабинете, а на производстве, за состояние которого я нес основную ответственность. Такой стиль работы помогал мне лучше знать людей, занятых на производстве сельскохозяйственной продукции, коммунистов, их расстановку на решающих участках, их деятельность как авангарда во всех делах. Лучше видел промахи и недостатки и принимал срочные меры по устранению таковых. Слишком нетерпим был к хапугам, подхалимам, бюрократам. Любил решать любой большой или малый вопрос оперативно и до конца.

В хозяйствах бывать наездом не любил. Если уж приезжал, то на день-два, а если надо, то и на неделю. Только при такой постановке работы можно что-то полезное делать.

Партия и правительство высоко оценили мой труд. В 1957 году я одним из зональных секретарей области удостоен быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Награжден грамотой и бронзовой медалью участника.

В 1958 году отмечен орденом Знак Почета. 24 ноября 1959 года в связи с уходом с партийной работы я был назначен директором сельского профессионально-технического училища. За время работы в училище до марта 1964 неоднократно отмечался Почетными грамотами областного управления профтехобразования. 18 апреля 1964 года по рекомендации райкома партии я был освобожден от должности директора и направлен заместителем редактора газеты «Новая жизнь». Избран секретарем парторганизации.

31 октября 1967 года по рекомендации райкома партии, я был избран членом правления Старобешевского райпотребсоюза и назначен заместителем председателя по кадрам.

С 1970 года работал в системе гражданской обороны. В 1975 году ушел на пенсию и продолжал трудиться до 1986 года октября месяца. В настоящее время по состоянию здоровья работу оставил, но надеюсь на то, что еще поработаю.

На протяжении всей трудовой деятельности много времени отдавал работе на общественных началах. Избирался депутатом сельского и районного Советов народных депутатов. С увлечением проводил военно-патриотическую работу с допризывной молодежью.

Вот, пожалуй, и все то, о чем я вкратце, хотел рассказать в своем автобиографическом очерке. Все сведения, цифровые данные, эпизоды документально точны и достоверны. Конечно, в жизни не так уж все было гладко. Были и срывы, и огорчения. И не все было сделано так, как этого хотелось. Но жизнь есть жизнь. Она гораздо сложнее и требовательней, нежели, какой мы ее представляем. Она учит, лелеет человека, но и сурово наказывает за промахи и недоделки. Я очень счастлив от того, что имею большую и замечательную семью. Ни о чем не жалею. Перед Родиной в долгу я не остался. Надеюсь, и все вы пройдете свой жизненный путь таким же образом, чтобы не было обидно за прожитые годы потом

10 ноября 1987 года

очерк представлен
Чуриловой Татьяной Георгиевной,
МБОУ СОШ № 46 сУИОП, город Сургут

К автобиографическому очерку.

Как бы итоговой оценкой моего труда на благо Родины являются ордена и медали, которых я удостоился за всю свою многолетнюю трудовую жизнь и деятельность.

1. «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменовании 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов Указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. я награжден орденом Отечественной войны I степени»
2. 1944 года (февраль) Орденом Красной Звезды
3. 26 февраля 1958 Орденом «Знак Почета»
4. Медалями:
 - а. «За победу над Германией»
 - б. «За оборону Москвы»
 - в. «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной Войне»
 - г. «25 лет Победы в Великой Отечественной Войне»
 - д. «30 лет Победы в Великой Отечественной Войне»
 - е. «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне»
 - ж. «50 лет вооруженных сил СССР»
 - з. «60 лет вооруженных сил СССР»
 - и. «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина»
 - к. За долголетний и добросовестный труд «Ветеран труда»
 - л. Медаль «Участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки», 1957г.
 - м. Почетная грамота «Участник выставки»
 - н. Нагрудный знак «Отличник гражданской обороны»